

Россия - 2005 - 16-22 июня - с. 14

Захар ПРИЛЕПИН:

Писатели слишком много на себя берут, не имея для этого ни ума, ни таланта

Беседовал
Дмитрий Елькин

Захар Прилепин родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области. Живет в Нижнем Новгороде. В настоящий момент — главный редактор регионального аналитического портала «Агентство политических новостей — Нижний Новгород». В составе ОМОНа был участником двух «чеченских» войн в должности командира отделения. Окончил филфак местного университета. Как поэт дебютировал в 2003 году в газете «День литературы». В дальнейшем стихи Захара публиковались в газетах «Генеральная линия» и «Литературная газета», журналах «Север» и «Пигмалион».

Главное (на настоящий момент) прозаическое произведение Захара Прилепина — роман о войне в Чечне «Патологии» — в журнальном варианте опубликован трижды: в журналах «Север», «Искусство кино» и «Роман-газета». Отдельные главы романа публиковались в газетах «Генеральная линия», «Консерватор», «Спецназ России», издаваемой Ассоциацией ветеранов подразделения анти-террора «Альфа». Полностью роман вышел в апреле 2005 года в издательстве «Андреевский флаг». Корреспондент газеты «Россия» встретился с писателем, чтобы поговорить с ним и о войне, и о литературе.

— Расскажите, пожалуйста, как ты стал участником войны в Чечне?

— Работал в нижегородском ОМОНе сначала простым бойцом, потом в должности командира отделения. Когда началась война в Чечне, то начались и командировки туда. Впрочем, наши омововцы ездили в горячие точки исключительно по желанию. Кто не хотел — сидел дома. И не скажу, что кого-то из оставшихся очень уж презирали.

— Почему ты там оказался? Было ли участие в «антитеррористической» операции отражением твоей гражданской позиции или ты был вовлечен в эти события не по собственной воле?

— Поехал по собственной воле — в полном согласии со своей гражданской позицией. В те годы я был настроен куда более агрессивно. Имперски, если можно так сказать. И по сей день я воспринимаю Россию как безусловную империю. Но вместе с этим появилось острое чувство горечи оттого, что война ведется глупо и является не продолжением российской имперской (и благой!) политики, а полным противоречием ей. Вырвалась эта политика, как правило, в том, что прирост земель происходил полюбому. Если приходилось применять силу, то применялась она быстро и жестко, но в итоге куда с меньшей кровью и с меньшим позором, чем сейчас.

— Почему, Чечня всегда была тяжелым краем в этом смысле, мы все это

помним. Быстро воспламенялась во все трудные времена. Но ведь умудрились же мы как-то заморить горцев после революции 17-го года, когда, казалось, все готово было пошвам пойти и когда страна была во сто крат слабее, чем ныне.

— Что тебе больше всего запомнилось на войне, какие впечатления оказались наиболее яркими?

— Все впечатления были яркими. Я очень хорошо до сих пор помню цвета, запахи Грозного. Но главное впечатление — что русский народ по сей день рождает упрямых, крепких и терпеливых мужчин. Я был рядом с этими мужчинами, был среди них, относился к ним с уважением, с братской любовью. Русские люди готовы ко многим и многим свершениям, я уверен в этом. Они преобладают в силе, до сих пор негражданской, как ни странно. Была бы власть здоровья...

— Как ты оценил хасавюртовские соглашения? Было ли это для тебя предательством со стороны власти или окончание войны на тех условиях, на которых она была завершена, было единственной возможностью наконец заморить Чечню?

— В тот момент это было предательством. Вся история чеченской войны — это череда предательств «сверху» и удивительного героизма «снизу» — солдат, офицеров. Были краткие исключения, например, начало второй чеченской, но потом все начиналось по новой.

И по сей день я воспринимаю Россию как безусловную империю. Но вместе с этим появилось острое чувство горечи оттого, что война ведется глупо и является не продолжением российской имперской (и благой!) политики, а полным противоречием ей.

— Почему, на твой взгляд, хасавюртовский мир продержался так недолго?

— В этом будут разбираться историки. Мне кажется, в современной России ничего не может продержаться долго. Потому что крепят ее не четкие понимаемые государственные интересы, а политиче-

Будущий писатель пришел в составе ОМОНа две чеченские войны.

ский пилар, предвыборные технологии, манипуляции с изуродованными головами россиян, простых людей, которые все больше и больше устают от глушители происходящего и невежества власти.

— Каким тебе представляется решение проблемы Чечни в современной России?

— У современной России нет ни сил, ни ума, ни такта для решения проблемы Чечни. Если мы будем воевать там теми же методами и пытаться заморить пассивный народ бессистемными зачистками — мы будем воевать там вечно.

— Довольно часто приходится слышать о проблеме «афганского» или «чеченского» синдрома.

— Если ныне и случаются какие-то эксцессы подобного толка с «чеченскими» (якобы или воистину) ветеранами — то это, скорее, эффект нашего времени с перевёрнутыми понятиями о чести, о социальном здоровье общества... да вообще почти обо всем. Никто из тех парней, что мне знакомы и с которыми я был там, никогда не ведут себя душно, глупо, спекулируя в трезвом или в пьяном виде на своем «кровоавтомате». Те, кто так себя ведет, — они, может, перекурили немножко, перепилили чуть-чуть, вкололи что-нибудь не то. А на поверку еще и не были нигде дальше Моздока. Я периодически таких встречаю в лице травмавших дебоширов. Поговоришь с ними немножко, и сразу ясно, что это за «вожак».

— Когда ты воевал в Чечне, было ли уже у тебя намерение написать об этих событиях книгу или это желание пришло позднее?

— И тогда не было, и потом не было. Я книгу писал о любви к женщине. А чеченские главы вставил ради того, чтобы чувства ге-

рою оттенить, высветить эти чувства как-то иначе. В итоге получилось так, что книжку все воспринимают как военную. Ну и ладно.

— Владимир Бондаренко, характеризующий «Патологии», назвал твою книгу «доподлинной окопной правдой». Какие авторы, по твоему мнению, в своих произведениях также смогли донести эту правду о чеченской войне?

— Я плохой знаком с современной военной литературой. Мне нравятся «чеченские» рассказы Александра Карасева. Мы с ним противоположны в литературном подходе: я натуралист, любящий выписывать детали. Он строг и скуп на слово — и это дает свой результат.

— Выражаясь высокими стилями, какую сверхзадачу ты ставил перед собой, когда писал свою книгу? Для чего она написана? Чтобы пощекотать нервы обывателю, которому экстраординарный военный опыт, как правило, недоступен и поэтому интересен? Или все-таки ставилась задача что-то объяснить нашему обществу?

— Никаких задач не ставил. Ничего объяснять обществу не хочу, тем более что это бесполезно. Сейчас книги куда меньше действуют на людей, чем во времена «Горячего снега». «Одного дня Ивана Денисовича», «Колымских рассказов»... Может,

это и к лучшему. Слишком уж напугали с ориентирами наши «инженеры человеческих душ» в конце 80-х — начале 90-х. Теперь одни из тех «проробов духа» в безвестности, другие преподают в американских колледжах, третьи еще где-то, а расхлебывать все случившееся приходится простому человеку — по всем городам и весям одной шестой планеты, которая имеет все шансы стать одной шестнадцатой или одной двадцать четвертой.

— Никаких задач не ставил. Ничего объяснять обществу не хочу, тем более что это бесполезно. Сейчас книги куда меньше действуют на людей, чем во времена «Горячего снега».

— Я плохой знаком с современной военной литературой. Мне нравятся «чеченские» рассказы Александра Карасева. Мы с ним противоположны в литературном подходе: я натуралист, любящий выписывать детали. Он строг и скуп на слово — и это дает свой результат.

— Выражаясь высокими стилями, какую сверхзадачу ты ставил перед собой, когда писал свою книгу? Для чего она написана? Чтобы пощекотать нервы обывателю, которому экстраординарный военный опыт, как правило, недоступен и поэтому интересен? Или все-таки ставилась задача что-то объяснить нашему обществу?

— Никаких задач не ставил. Ничего объяснять обществу не хочу, тем более что это бесполезно. Сейчас книги куда меньше действуют на людей, чем во времена «Горячего снега». «Одного дня Ивана Денисовича», «Колымских рассказов»... Может,

используют в своих целях политики, мягко говоря, нечистоплотные. Возьмут и запишут десяток другой «людей культуры» в партию. Мерзкое зрелище, прямо скажу.

Надежда на коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен.

— Нет, я вовсе не отрицаю, что писатель обязан быть гражданином. Без сомнения, полное отсутствие чувства Родины — как обратная сторона чрезмерной и поверхностной писательской активности — не менее гадко и постыдно. Литератор, предавший собствен-

ный народ (но при этом как-то умудряющийся быть заодно с властью), — это просто кошмар. Но писатель должен в первую голову уметь ответить за себя, а потом уж за народ. А люди и без «проробов духа» постепенно сами все понимают. На них, собственно, и вся надежда. На коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен. Таких вот времен, какое мы сейчас наблюдаем за окном.

— Писатели слишком часто и слишком много на себя берут, не имея для этого ни ума, ни таланта. Что, собственно, это право им может дать — то, что они умеют красиво слова расставлять? И что? Теперь они будут объяснять всей стране, куда ей идти?

— Когда она пошла и упала в канаву, надо сделать вид, что тебя неправильно поняли... Василий Розанов писал: «Писателей надо пороть». Он злой, конечно, был старик. Поэтому сойдемся на том, что если не пороть, то не спешить внимать им доверчиво. Они сами с собой не в ладах зачастую, а всё туда же — за всю державу отвечать. К тому же писатели, как и все люди, — слабые и грешные существа. Любят, скажем, комфорт, деньги, славу. И поэтому их часто

используют в своих целях политики, мягко говоря, нечистоплотные. Возьмут и запишут десяток другой «людей культуры» в партию. Мерзкое зрелище, прямо скажу.

— Нет, я вовсе не отрицаю, что писатель обязан быть гражданином. Без сомнения, полное отсутствие чувства Родины — как обратная сторона чрезмерной и поверхностной писательской активности — не менее гадко и постыдно. Литератор, предавший собственный народ (но при этом как-то умудряющийся быть заодно с властью), — это просто кошмар. Но писатель должен в первую голову уметь ответить за себя, а потом уж за народ. А люди и без «проробов духа» постепенно сами все понимают. На них, собственно, и вся надежда. На коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен. Таких вот времен, какое мы сейчас наблюдаем за окном.

используют в своих целях политики, мягко говоря, нечистоплотные. Возьмут и запишут десяток другой «людей культуры» в партию. Мерзкое зрелище, прямо скажу.

Надежда на коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен.

— Нет, я вовсе не отрицаю, что писатель обязан быть гражданином. Без сомнения, полное отсутствие чувства Родины — как обратная сторона чрезмерной и поверхностной писательской активности — не менее гадко и постыдно. Литератор, предавший собственный народ (но при этом как-то умудряющийся быть заодно с властью), — это просто кошмар. Но писатель должен в первую голову уметь ответить за себя, а потом уж за народ. А люди и без «проробов духа» постепенно сами все понимают. На них, собственно, и вся надежда. На коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен. Таких вот времен, какое мы сейчас наблюдаем за окном.

— Писатели слишком часто и слишком много на себя берут, не имея для этого ни ума, ни таланта. Что, собственно, это право им может дать — то, что они умеют красиво слова расставлять? И что? Теперь они будут объяснять всей стране, куда ей идти?

— Когда она пошла и упала в канаву, надо сделать вид, что тебя неправильно поняли... Василий Розанов писал: «Писателей надо пороть». Он злой, конечно, был старик. Поэтому сойдемся на том, что если не пороть, то не спешить внимать им доверчиво. Они сами с собой не в ладах зачастую, а всё туда же — за всю державу отвечать. К тому же писатели, как и все люди, — слабые и грешные существа. Любят, скажем, комфорт, деньги, славу. И поэтому их часто

используют в своих целях политики, мягко говоря, нечистоплотные. Возьмут и запишут десяток другой «людей культуры» в партию. Мерзкое зрелище, прямо скажу.

— Нет, я вовсе не отрицаю, что писатель обязан быть гражданином. Без сомнения, полное отсутствие чувства Родины — как обратная сторона чрезмерной и поверхностной писательской активности — не менее гадко и постыдно. Литератор, предавший собственный народ (но при этом как-то умудряющийся быть заодно с властью), — это просто кошмар. Но писатель должен в первую голову уметь ответить за себя, а потом уж за народ. А люди и без «проробов духа» постепенно сами все понимают. На них, собственно, и вся надежда. На коллективный дух моего народа — народа, который из века в век каким-то непонятным мне, почти звериным чутьем выбирался из самых безвыходных, непролазных, жутких времен. Таких вот времен, какое мы сейчас наблюдаем за окном.

Слова

Владимир Маканин, писатель:
— Премия Бориса Соколова в России вручалась впервые. Отбор был довольно большой, и это было очень интересно. Слова богу, стали награждать молодых писателей. Премия получил Захар Прилепин. Это правильно, это «в десятку» и по качеству, и по возрасту. Жюри довольно быстро пришло к консенсусу.

Орхан Джемаль, редактор отдела политики газеты «Версия»:
— Постсоветская Россия воевала в Карабахе, Приднестровье, на Балканах, в Абхазии, наконец, в Чечне, и стоящей честной книжки про все это не было. Тем интересней, когда такая книжка появилась. Повесть Захара Прилепина «Патологии» про «вторую чеченскую», написана исключительно с позиции «взгляд отсюда», но написана честно, не про то, что хочется видеть в этой войне всевозможным Леонтьевым или Политковской, а так, как бывает, или почти так.

Особенно хорошо читать «Патологии», если из памяти не истерлись еще некрассовские «В окопах Сталинграда». Невольно сравниваешь самоощущения войны тогда и сейчас. Читается «Патологии» легко, за ночь

от первой до последней страницы без остатков, язык сочный, настоящий. Но первую часть книги все ждешь и ждешь, когда, наконец, таких знакомых и почти симпатичных ребят покроят чеченцы, ну хотя бы одного-двух. А они все живы и живы, первые полсотни страниц они существуют тем же составом, что и на первой, когда, наконец, первых из них убивают, выдыхаешь с облегчением. Потому что хоть «наши» и «родные», и «симпатяги», а чеченцы лишь черные, бордатовые тени, но смерть «наших» — акт справедливости. А выдохнув, продолжаешь читать дальше так же жадно...

Юрий Козлов, писатель:
— Этот роман, пожалуй, лучше на сегодняшний день произведение о новейшей кавказской войне. Причем лучше не в плане изображения тайных пружиной этой войны. Но в плане проникновения в «чернорабочую» плоть и душу войны... Захару Прилепину удалось сделать почти невозможное: показать Россию и Чечню через мировосприятие молодых, ежедневно рискующих жизнью людей. В принципе, любое классическое произведение о войне, будь то «Прощай, оружие!» или «В окопах Сталинграда», одухотворено

идеями, как бы облагораживающей и сглаживающей практику повседневного убийства. «Правда жизни» романа Захара Прилепина в том, что это роман о войне без идеи войны. Испытание войной по Прилепину — это испытание адом (без смягчающих обстоятельств), и каждый тут определяет собственное место сообразно своим человеческим (или нечеловеческим) качествам. А достоинство романа в том, что даже в таких кроваво-скотских условиях многие его герои не превращаются в кровавых скотов. Хотя и ходят по практически невидимой грани.

Леонид Юзефович, писатель:
— Проза нижегородца Захара Прилепина говорит сама за себя и ни в каких предварениях и напутствиях не нуждается. Его роман «Патологии» посвящен чеченской войне, но сказать о нем только это — значит не сказать ничего. Это, прежде всего, замечательная проза, а потом уже — проза свободнейшая. Это книга о жизни и смерти, а не о так называемой «контртеррористической операции» в Чечне. Это тот редчайший в нашей современной литературе случай, когда талант, интеллект, оголенный нерв и незаурядный опыт не разведены по разным судьбам, а слиты в одном человеке.

Наша справка

Роман «Патологии» получил высокую оценку критики и читательской аудитории. О романе дали лестные отзывы известные писатели (Дмитрий Быков, Юрий Козлов, Владимир Маканин), критики (Владимир Бондаренко, Евгений Ермолин, Валерия Пустова), политики, общественные деятели (спикер Совета Федерации Сергей Миронов, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, глава администрации президента России в 1994–1996 годах Сергей Филатов) и многие другие.

Роман «Патологии» попал в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», т.е. вышел в финал премии — там всего пять авторов. Другие прозаические произведения Захара Прилепина — повести и рассказы — публиковались в журналах «Дружба народов» и «Новый мир». Он лауреат премии Бориса Соколова (2004 год) и премии газеты «Литературная Россия» (также 2004 год).

212